Щеткина Полина Сергеевна,
студентка Юридического института,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель:
Беляева Татьяна Николаевна,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

ОБРАЩЕНИЕ ПРОКУРОРА В СУД В ЗАЩИТУ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье исследуются пределы обращения прокурора в суд в защиту социальных прав граждан и процессуальные проблемы реализации соответствующих полномочий. Основное внимание уделяется определению оснований прокурорской инициативы, разграничению социальных и иных имущественных требований, а также соотношению процессуальной самостоятельности прокурора и заинтересованного гражданина. На основе законодательства, научных исследований и судебной практики рассматриваются проблемы выбора способа защиты и обеспечения исполнимости судебного решения. Обосновывается необходимость более точной квалификации защищаемого права и согласования содержания заявленных требований с характером нарушенного социального обязательства.

Ключевые слова: Прокурор, социальные права, гражданское судопроизводство, судебная защита, процессуальная инициатива, статья 45 ГПК РФ, диспозитивность, социальное обеспечение, жилищные права, исполнение судебного решения.

Обращение прокурора в суд в интересах гражданина предполагает установление не только факта нарушения социального права, но и предусмотренных процессуальным законодательством оснований для предъявления соответствующего требования. На практике затруднения возникают при разграничении социальных и обычных имущественных споров, определении самостоятельности гражданина в начатом прокурором процессе и выборе судебного решения, способного обеспечить фактическое восстановление нарушенного права. Особое значение приобретают случаи, когда имущественное требование связано с социальным положением заявителя, но непосредственно не относится к установленным законом категориям социальной защиты. Необходимо определить, насколько действующее регулирование позволяет разрешать указанные ситуации без необоснованного расширения прокурорской инициативы и ограничения процессуальной самостоятельности гражданина.

Конституционную основу рассматриваемых полномочий составляют статья 7 Конституции Российской Федерации, закрепляющая социальный характер государства, и статья 46, гарантирующая судебную защиту прав и свобод [1]. Однако непосредственные условия обращения прокурора определяются процессуальным законом. Статья 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» предусматривает участие прокурора в рассмотрении дел судами в случаях, установленных процессуальным законодательством [4].

Часть 1 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ устанавливает общее правило, согласно которому: «Прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан,

неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования» [2].

Первой проблемой выступает определение границ данного исключения. Связь требования с неблагоприятным материальным положением гражданина еще не свидетельствует о его социальной природе. Например, спор о недействительности кредитного договора может затрагивать интересы пенсионера, однако предметом судебной защиты остаются гражданско-правовые отношения с кредитной организацией. В такой ситуации прокурору необходимо подтвердить предусмотренные общим правилом основания обращения.

Практическое значение разграничения прослеживается в апелляционном определении Московского городского суда от 24 июля 2025 г. по делу № 33-30364/2025. Прокурор предъявил требование о признании кредитного договора недействительным в интересах гражданина, ссылаясь на его возраст, состояние здоровья и отсутствие необходимых юридических познаний. Суд признал недостаточными представленные сведения для подтверждения невозможности самостоятельного обращения и оставил заявление без рассмотрения [5]. Данное решение показывает, что формальное указание на социальную уязвимость не заменяет установления конкретных процессуальных оснований прокурорской инициативы.

Иное решение принято Хабезским районным судом Карачаево-Черкесской Республики по требованию прокурора о предоставлении многодетной семье земельного участка. В своем решении суд указал: «Приведенной нормой прямо предусмотрено право прокурора обращаться в суд в порядке гражданского судопроизводства с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина в том случае, когда гражданин обратился к прокурору о защите нарушенных или оспариваемых прав в сфере защиты семьи материнства, отцовства и детства.

Поскольку спор связан с реализацией многодетными семьями предусмотренного действующим законодательством права на получение меры социальной поддержки в виде бесплатного приобретения земельного участка для индивидуального жилищного строительства, требование прокурора по настоящему делу предъявлено в соответствии со статьей 45 ГПК РФ» [7]. Следовательно, даже имущественное по своему результату требование может иметь непосредственную социально-правовую природу, если соответствующее право возникло из специального законодательства о социальной поддержке.

Указанные примеры не подтверждают необходимости полного устранения ограничений статьи 45 ГПК РФ. Более обоснованным представляется последовательное установление непосредственного предмета защиты, нормативного основания социального права и обстоятельств обращения гражданина к прокурору. Эти сведения должны отражаться в заявлении с учетом части 3 статьи 131 ГПК РФ. Такой подход позволит разграничивать социально-правовое исключение и общий порядок защиты гражданина, не расширяя прокурорскую компетенцию за пределы закона.

Научная дискуссия затрагивает также цели прокурорского участия. О.А. Сухорукова отмечает: «Обеспечение законности не может быть самоцелью процесса, это только дополнительный полезный эффект от правильного судебного решения» [12, с. 134]. Для защиты социальных прав этот тезис приобретает значение при определении содержания иска, так как обнаруженное нарушение закона должно быть связано с конкретным правом, подлежащим восстановлению судебным способом.

О.Н. Шеменева обращает внимание на сочетание публичного и частного начал прокурорского участия: «Неизменным является именно сочетание двух взаимодополняющих целей в данной деятельности. Во-первых, это обеспечение законности и, во-вторых, защита прав, свобод и законных интересов отдельных субъектов гражданских правоотношений, которым государство на данном этапе развития придает наиболее существенное значение» [13, с. 83]. Подобное сочетание не означает перехода субъективного права гражданина к прокурору. Публичная направленность его деятельности определяет основания участия в процессе, тогда как принадлежность защищаемого материального права сохраняется за заинтересованным лицом.

Вторая проблема связана с самостоятельностью гражданина после возбуждения дела. Часть 2 статьи 45 ГПК РФ предоставляет прокурору процессуальные права и обязанности истца, за исключением права заключать мировое соглашение и обязанности уплачивать судебные расходы. При отказе прокурора от заявления рассмотрение дела продолжается, если заинтересованное лицо не откажется от иска. Самостоятельный отказ гражданина может повлечь прекращение производства при соблюдении установленных законом условий.

Е.В. Михайлова указывает: «Представляется, что процессуально-правовой статус прокурора в гражданском деле зависит от формы его участия в нем. В свою очередь, форма участия прокурора в гражданском процессе зависит от характера реализуемого им интереса» [10, с. 42]. При обращении в интересах конкретного гражданина прокурор осуществляет самостоятельные процессуальные полномочия, но не вправе распоряжаться принадлежащим этому гражданину материальным требованием.

Дискуссионный характер соответствующего статуса раскрывает Е.Р. Ергашев: «Более того, ч. 3 ст. 131 ГПК РФ содержит дополнительные требования, соблюдение которых возложено исключительно на прокурора, подающего заявление в суд. Обозначенный факт в очередной раз свидетельствует о наличии разницы между процессуальным положением прокурора и истца» [8, с. 37]. Специальные требования к заявлению подтверждают самостоятельное процессуальное положение прокурора, которое не следует отождествлять ни с представительством по доверенности, ни с приобретением статуса носителя спорного материального права.

Отсюда возникает необходимость согласования содержания прокурорского требования с действительными интересами гражданина. Если гражданин не согласен с избранным способом защиты либо предполагает урегулировать спор иным законным способом, его позиция должна учитываться при осуществлении процессуальных прав. Е.И. Носырева отмечает: «Реализация данного направления предполагает совершение сторонами совместных активных действий по самостоятельному проведению примирительной процедуры. При этом сами примирительные процедуры, хотя и используются в ходе публичного процесса, сохраняют свою частноправовую природу и находятся вне пределов суда» [11, с. 129]. Поэтому невозможность заключения мирового соглашения самим прокурором не должна рассматриваться как исключение права заинтересованного гражданина на допустимое законом примирение.

Дополнительная сложность возникает при выборе процессуальной формы защиты. Статья 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта

2015 г. № 21-ФЗ предусматривает участие прокурора в делах, возникающих из публичных правоотношений. При обращении в интересах конкретного гражданина указанная норма устанавливает собственные условия прокурорской инициативы [3]. Социально-правовое исключение части 1 статьи 45 ГПК РФ нельзя автоматически переносить на административное судопроизводство.

Выбор между ГПК РФ и КАС РФ требует оценки характера заявленного требования. Взыскание причитающейся гражданину суммы и проверка законности властного решения обладают различным процессуальным содержанием. Наличие государственного органа среди ответчиков само по себе не предопределяет административную форму защиты. Прокурору необходимо установить, направлено ли требование на разрешение спора о субъективном праве либо на проверку осуществления публичных полномочий. Ошибка может вызвать дополнительные процессуальные затраты и отложить восстановление нарушенного социального права.

Не менее значима проблема фактической исполнимости судебного решения. Удовлетворение требования о признании незаконного отказа не всегда обеспечивает предоставление лекарственного препарата, социальной выплаты либо другого предусмотренного законом блага. Если содержание материального права позволяет определить конкретную обязанность ответчика, заявленное требование должно учитывать необходимость ее исполнения.

Показательно решение Верховского районного суда Орловской области от 14 февраля 2024 г. по делу № 2-47/2024. Прокурор потребовал обеспечить гражданку лекарственным препаратом, необходимым по медицинским показаниям. Суд установил факт ненадлежащего лекарственного обеспечения и обязал «Департамент здравоохранения Орловской области своевременно обеспечивать бесплатное предоставление ПТС, ДД.ММ.ГГГГ г.р., лекарственного препарата: анастрозол в необходимом количестве, вплоть до отмены лекарственного препарата лечащим врачом» [6]. Юридическое значение решения состоит в определении конкретного обязанного органа и содержания подлежащего исполнению требования. При этом суд не подменял медицинское решение о назначении препарата.

Проблема доступности социальной защиты приобретает дополнительные особенности в условиях цифровизации. Н.В. Летова отмечает: «В самом общем представлении цифровое неравенство указывает на отсутствие у гражданина реальных возможностей для использования информационно-коммуникационных технологий и взаимодействия с ними» [9, с. 37]. При подготовке заявления прокурор должен учитывать не только содержание отказа в предоставлении социальной услуги, но и обстоятельства обращения гражданина, включая возможную недоступность обязательных электронных процедур. В соответствующих случаях это влияет на доказывание нарушения и определение способа восстановления права.

Представляется целесообразным совершенствовать прежде всего практику подготовки прокурорских заявлений. В них необходимо последовательно обосновывать процессуальное основание обращения, юридическую природу защищаемого права, позицию заинтересованного гражданина и содержание обязанности, исполнения которой требует истец. Для споров о предоставлении социальных благ дополнительное значение имеют документы, подтверждающие право на соответствующую меру поддержки, ее объем и компетенцию ответчика. Такая последовательность не требует введения новых полномочий прокуратуры, поскольку вытекает из действующих требований процессуального законодательства.

По итогу следует заключить, что обращение прокурора в суд в защиту социальных прав граждан представляет собой специальный процессуальный механизм, применение которого ограничено установленными законом основаниями. Проведенное исследование показывает, что наибольшие затруднения возникают при определении границ социально-правового

исключения части 1 статьи 45 ГПК РФ и выборе требования, способного обеспечить фактическое восстановление нарушенного права. Наличие у гражданина социально уязвимого положения не превращает любой имущественный спор в социальный и не освобождает прокурора от доказывания необходимых обстоятельств обращения. Одновременно процессуальная инициатива прокурора не устраняет самостоятельности гражданина, которому принадлежит защищаемое материальное право. Действующее законодательство предусматривает основные средства разрешения данных проблем, поэтому расширение прокурорской компетенции без дополнительных оснований представляется необоснованным. Первоочередное значение имеют точная квалификация субъективного права, разграничение гражданского и административного судопроизводства и формулирование исполнимых восстановительных требований. Развитие соответствующих подходов в судебной практике позволит устранить процессуальные затруднения без изменения предусмотренного законом соотношения публичной инициативы прокурора и самостоятельной судебной защиты гражданина.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

4. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 июля 2025 г. по делу № 33-30364/2025 // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/346933967/ (дата обращения: 19.10.2026).

6. Решение Верховского районного суда Орловской области от 14 февраля 2024 г. по делу № 2-47/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/HcrXz7EDP2Np/ (дата обращения: 19.10.2026).

7. Решение Хабезского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 25 марта 2024 г. по делу № 2-99/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/DaDyNIyeFWt/ (дата обращения: 19.10.2026).

8. Ергашев, Е.Р. О проблемах участия прокурора в рассмотрении судами гражданских дел / Е.Р. Ергашев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 2 (45). – С. 32-43.

9. Летова, Н.В. Цифровизация социальных услуг: проблемы теории и практики / Н.В. Летова // Российское правосудие. – 2025. – № 12. – С. 34-40.

10. Михайлова, Е.В. Роль прокуратуры в отправлении правосудия по гражданским делам и в административном судопроизводстве / Е.В. Михайлова // Российское правосудие. – 2025. – № 12. – С. 41-49.

11. Носырева, Е.И. Роль прокурора при использовании сторонами примирительных процедур / Е.И. Носырева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 4 (47). – С. 123-131.

12. Сухорукова, О.А. О некоторых направлениях оптимизации целей и форм участия прокурора в гражданском судопроизводстве / О.А. Сухорукова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 4 (47). – С. 132-139.

13. Шеменева, О.Н. Частные и публичные цели участия прокурора в гражданском судопроизводстве / О.Н. Шеменева // Публично-правовое обозрение. – 2024. – № 3. – С. 78-84.